

В. И. ВОРОБЬЕВ (1875-1906).
ОЧЕРК НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ГИБЕЛИ

Д.А. Андреев

Виктор Иванович Воробьев родился 4 ноября 1875 г. в г. Екатеринодаре, Кубанской области. Отец его – землемер по специальности, отправляясь на летние работы, брал всегда с собою своих трех сыновей, из которых Виктор Иванович был самым младшим. Во время этих поездок мальчишки собирали растения, коллекции насекомых, яиц, птиц, минералов и т. п., так что уже в самом юном возрасте Виктор Иванович имел возможность сблизиться с природой и полюбить ее. Девяти лет он поступил в Кубанскую войсковую гимназию, где скоро сделался любимцем учителей за трудолюбие и способности, а товарищей – за хороший, сердечный характер. Большое и благотворное влияние на Виктора Ивановича оказал молодой учитель латинского языка Н.Ф. Мельников-Разведенков, с которым он особенно сблизился, будучи в пятом классе.

К этому же приблизительно периоду относится увлечение Виктора Ивановича музыкой. Услыхав на одном из концертов игру приехавшего в Екатеринодар скрипача Г.Т. Швачкина, только что окончившего тогда консерваторию, Виктор Иванович на другой же день начал брать у него уроки и через год уже порядочно играл на скрипке, принимая участие в домашних трио и квартетах. Хотя позднее другие интересы заставили Виктора Ивановича совершенно оставить скрипку, он остался горячим любителем и знатоком музыки, а с своим учителем Г.Т. Швачкиным все время поддерживал самые дружеские отношения. Виктор Иванович был также большой любитель живописи и сам рисовал очень недурно, хотя никогда этим серьезно не занимался.

Окончив в 1893 году гимназию, Виктор Иванович поступил на физико-математический факультет Петербургского университета. Петербургский климат и жизнь сначала оказались очень неблагоприятными для Виктора Ивановича. К концу первого учебного года он серьезно захворал, началось кровохаркание и боялись чахотки, но родные горы, куда спешно уехал на лето Виктор Иванович, восстановили его здоровье, и осенью 1894 года он снова вернулся в Петербург. Студентом третьего курса Виктор Иванович, вместе с тремя товарищами, присоединился летом 1895 года к землемерной партии, отправившейся на работы в верховья р. Белой, и эту поездку описал в своей первой научной статье, обнаруживающей в молодом авторе недюжинную наблюдательность и горячую любовь к природе. Виктор Иванович очень любил

вспоминать об этой поездке и всегда охотно рассказывал ее отдельные эпизоды; видимо, она оставила глубокий след в его душе и определила до известной степени его дальнейшую деятельность как исследователя Кавказа. В эти же места он пробрался снова в 1903 году, уже для систематических исследований, и в тех же горах нашел свою раннюю кончину в 1906 году.

Научная деятельность

Осенью 1895 года Виктор Иванович начал специально заниматься минералогией, работая в Минералогическом Кабинете Университета. В 1896, летом, он, совместно с известным альпинистом, и топографом А.В. Пастуховым, предпринял восхождение на Эльбрус. Из большой партии к вершине Эльбруса подошли только четверо: Виктор Иванович, Пастухов, и двое проводников. Резкий припадок горной болезни свалил, однако, здесь с ног Виктора Ивановича, и на высшую точку Эльбруса Пастухов поднялся вдвоем с проводником. По признанию самого В.И. Воробьева, он собирался с тем же Пастуховым пробраться в Гималаи, но смерть последнего разрушила эти планы.

Виктор Иванович окончил Университет в 1897 году, в год седьмого международного геологического конгресса, собравшегося в Петербурге. Он принял горячее участие в работах конгресса и был одним из деятельных помощников проф. Ф.Ю. Левинсона-Лессинга во время экскурсии конгресса на Кавказе, по Военно-Грузинской дороге. По окончании курса Виктор Иванович был оставлен при университете и работал в Минералогическом кабинете университета до весны 1898 года, когда он уехал в Мюнхен к проф. Гроту.

Осенью 1900 года Виктор Иванович, по приглашению директора Геологического музея, взялся за разборку и устройство Минералогического отделения. Первый год он продолжал еще заниматься и в Университете, где руководил практическими занятиями студентов. С осени 1901 года Виктор Иванович всецело отдался музейной работе. Стремясь поскорее привести коллекции хотя бы в относительный порядок, Виктор Иванович почти оставил личную научную работу. Однако, несмотря на массу музейной работы, Виктор Иванович не переставал, хоть и урывками, работать научно. Находя что-нибудь интересное в разбираемых в Музее коллекциях, он делился своими наблюдениями в Минералогическом Обществе, делая невольные, но всегда интересные сообщения. Кроме того, года за два до своей смерти Виктор Иванович, при содействии ряда сотрудников, взялся за большую и очень важную работу — составление месторождения русских минералов, оставшуюся неоконченной. В.И. Воробьев работал также в Энциклопедическом Словаре Брокгауза и Эфрона, где он вел отдел минералогии и кристаллографии с буквы «Т» до конца Словаря. Следует отметить, что Виктор Иванович пробовал свои силы и в чтении публичных, популярных лекций («О вулканизме») в родном своем городе — в Екатеринодаре в 1902 году, где пользовался большим успехом слушателей.

Будучи путешественником-исследователем Кавказа, которым он глу-

боко и всесторонне интересовался, Виктор Иванович надеялся привлечь к совместной работе в облюбованных им горах Кубанской области возможно большее число специалистов – главным образом, конечно, геологов, и особенно мечтал о научном исследовании Кавказских ледников – планы, погибшие вместе с Виктором Ивановичем.

Забираясь в места, где еще не бывала нога геолога, Виктор Иванович всегда вывозил интересный геологический материал. Но он никогда не ограничивался этим, а всегда стремился по возможности к всестороннему исследованию посещенной местности. Так, в 1903 году, по инициативе и ходатайству Виктора Ивановича, Общество Естествоиспытателей при Петербургском Университете командировало с ним студента-естественника Ю.А. Филиппенко, собравшего очень интересную коллекцию почв и обширную зоологическую коллекцию.

В последней экспедиции Виктора Ивановича сопровождал ботаник Б.И. Клопотов, прикомандированный Ботаническим Садам и собравший большой гербарий. Благодаря же тому, что от охоты Великого Князя Сергея Михайловича было прикомандировано к экспедиции три егеря, не только хороших знатоков места, но и опытных препараторов, Виктору Ивановичу удалось собрать такие зоологические коллекции, каких трудно было ожидать, и Зоологический Музей Академии получил несколько интересных экземпляров шкур млекопитающих, снятых по всем правилам искусства, что так редко бывает при путешествиях подобного рода. Собирались на этот раз и этнографические коллекции. Что же касается главных работ экспедиции — геологических, то здесь Виктору Ивановичу было суждено сделать открытия, которые заставили многое пересмотреть в геологии Кавказа. Речь идет, в первую очередь, об открытии отложений верхнего Триаса альпийского типа с богатой и характерной фауной в ряде местонахождений, лежащих к западу от станицы Псебайской. Триасовые отложения пользуются значительным распространением вдоль северного склона Кавказского хребта. Поскольку ранее в этой местности триасовые отложения никому найти не удавалось, то с этого момента открытие Триаса на Кавказе будет навсегда связано с именем Виктора Ивановича Воробьева. Можно добавить, что в эту же несчастную поездку Виктору Ивановичу удалось открыть очень интересное месторождение кальцита, прекрасная коллекция кристаллов которого была доставлена в Музей.

Научная деятельность Виктора Ивановича была отмечена рядом ученых обществ, избравших его в свои действительные члены: С.-Петербургское Минералогическое Общество – 11-го ноября 1897 года, Общество Естествоиспытателей при С.-Петербургском университете – 28-го декабря 1902 года, Уральское Общество Любителей Естествознания – 31-го августа и Русское Географическое Общество – 21-го декабря 1905 года. Членом же Кавказского Отдела Географического Общества В. И. Воробьев был со студенческой скамьи.

Последняя экспедиция

Последняя поездка Виктора Ивановича была сделана им по поручению и на средства Императорской Академии Наук и Минералогического Общества. Он предполагал пробраться в верховья р. Малой Лабы, пройти оттуда в верховья Б. Лабы и потом, долиною Загедана и Большой Лабы, выйти из гор вниз. Вместе с его маршрутом 1903 года по р. Белой это дало бы три почти параллельных друг другу пересечения северо-западного Кавказа в местности, наименее известной в геологическом отношении.

29-го июня 1906 года Виктор Иванович с врачом Н.Ф. Гамбургером, ботаником Б. Н. Клопотовым и 10-ю казаками при 29 вьючных лошадях выступили из станицы Псебайской, а в первых числах августа были уже вблизи главного водораздела Кавказского хребта, у горы Дзитаку, в верховьях р. Киши.

7-го августа утром Виктор Иванович поручил Н. Ф. Гамбургеру и Б. И. Клопотову пройти со всем караваном к месту слияния рр. Киши и Китайской, а сам налегке, с двумя проводниками, Федором и Иваном Чепурновыми, пошел к г. Дзитаку, «на перевал между Кишой и Китайской, думая тем сократить время работ», как он пишет в своем дневнике. Добравшись благополучно до этого перевала, отдохнув здесь и сняв ряд фотографий, Виктор Иванович со своими спутниками начал спускаться по очень крутому, скалистому скату к леднику, названному теперь его именем. Видимо этот маршрут был намечен покойным с самого начала, как наиболее короткий. Проводники же его, не бывавшие здесь ранее, советовали выбрать

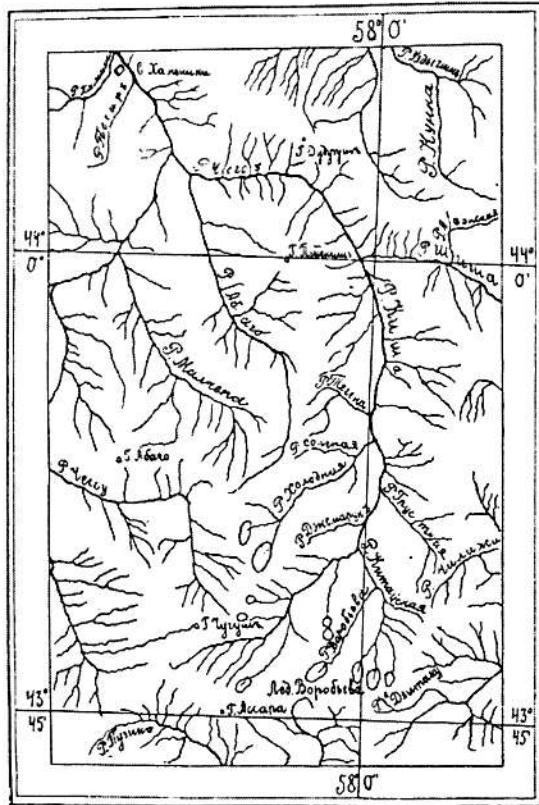

Рис. 1. Верховья р. Киши. 1 : 315000.
В одном дюйме 7.5 версты.

другой, более длинный, но и более спокойный путь – перевалить в систему р. Китайской ниже ледника Воробьева и подойти к последнему с нижнего конца. Того же мнения держались и егеря, знавшие местность, и случайно встреченные здесь имеретины. Впрочем, пока Виктор Иванович занимался фотографированием, рабочие сделали небольшую рекогносцировку и нашли,

что к леднику спуститься можно, и действительно, все трое спустились и взошли на ледник вполне благополучно, чуть только не потеряв фотографического аппарата, вырвавшегося из рук Федора Чепурнова и покотившегося вниз.

На этом спуске убили даже забравшегося сюда медведя, голову которого взяли для коллекции. У начала ледника были в 4 ч. 35 м. вечера (последняя запись, сделанная В.И. Воробьевым в его дневнике) и вскоре начали спускаться по его уже обледеневшей к вечеру поверхности. Виктор Иванович пошел первым, делая молотком ступеньки во льду. Он был в альпийских сапогах с сильно пообтертыми гвоздями, но без кошек. Проводники шли вместе и тихо, так как Федор Чепурнов был в обыкновенных сапогах и без кошек, которые накануне отдали осетину, подарившему сыр, и Иван, имевший кошки, должен был помогать ему спускаться, выдалбливая во льду ступеньки. Начало ледника было очень круто, и Виктор Иванович шел зигзагами, перекидываясь отдельными словами с рабочими.

Вскоре он благополучно спустился *«на равнину снега, тоже крутую, но все же положе, можно было и идти без ступенек»*, как указывали его проводники в своем безыскусном рассказе о катастрофе, записанном с их слов братом покойного, который мы передадим здесь дословно. Вот этот рассказ.

«Иван, не бойтесь этой трещины (первая трещина на «равнине снега»), она не глубокая, идите смелее; если кто и сорвется, так там нельзя убиться». — А сам все идет вперед. Иван и Федор (записывая рассказ, Н.И. Воробьев заменил «я» соответствующим именем: Федор или Иван) продолжали медленно подходить к «равнине». Виктор Иванович остановился, у него был до этого все время молоток в руках, а тут он его заткнул за пояс и говорит: «Иван, тут можно уже пешком, не бойтесь». Иван говорит: «Я-то не боюсь, а Федору опасно. Ваше Благородие, Вы далеко не ходите, тут опасно, давайте вместе идти: гуртом веселее». «А вы, — говорит он, — идите тише и осторожнее, а я пройду немного ниже, просмотрю и обожду вас там». Иван и Федор спускались по равнине, а Виктор Иванович прошел в это время скоро вторую трещину. Виктор Иванович был шагах в 70-80 впереди. Иван и Федор в это время спускались по самому крутому месту к «равнине». Когда Иван после этого глянул на то место, где перед этим видел Виктора Ивановича, то увидел только быстро мелькнувшую голову и его исчезновение. Иван закричал: «Федор, должно быть барин упал, что-то быстро он мелькнул и нету»; а Федор говорит: «Должно быть, он скрылся за бугорком». Иван на это сказал: «Нет, это что-то не так, очень скоро». Иван и Федор вышли на «равнину», и весь ледник открылся, а Виктора Ивановича нигде не было. Иван сказал: «Нигде нет его на льду, должно в трещину упал. Ну, ты спускайся потихоньку, а я пойду скорее, а то, может, можно какую помощь показать и чего». И пошел и начал шуметь: «барин, гоп!», свистеть, делать шум, а сам все вперед, вперед. Тут заметил на снегу поволочку, как покотился кто-то, и закричал: «Вот покотился, должно, в трещину и

убился, не слышать ни крику, ничего», а сам все идет и спускается, то пробивая ступеньки, то пользуясь оттаинками, то камушками. Спустившись еще ниже, увидел трещину, какой ширины – не видно было, так как высокий верхний берег скрывал ширину трещины. До сих пор был виден покот, а дальше по снегу он прерывался. Покот был длиною сажень 10-20. Иван стал ниже спускаться, взяв ниже по косогору, потом сделал несколько зигзагов, подошел к углу трещины и заглянул в трещину. Трещина представилась широкой. У дна верхней стенки увидел на крыгах (обломки, глыбы льда) следы как бы башмаков и закричал: «Федор, он где-то живой лазает по крыгам» и стал выбираться на хребтик льда, выдающийся в трещину. Федор молчал, выбирался, спускаясь вниз потихоньку. Иван, выйдя почти на конец хребтика, увидел Виктора Ивановича лежащим на крыге льда вниз головой, лицом вверх, левая рука согнута, на плечевой кости выше локтя лямка горного мешка, самый мешок был слегка под его передней, боковой, левой стороной груди и живота, ноги согнуты в коленях, подошвы обращены вверх. Лежал он на глубине около двух сажень от нижнего берега и сажень на пять ниже верхнего берега. Иван начал присматриваться к лицу и заметил, что лицо было черное, налившееся кровью. и черные уши, безо всякого движения. Присматривался минуты три и закричать: «Федя, он уже не живой лежит».

С того момента, как Иван заметил в последний раз, как мелькнула голова Виктора Ивановича, до того момента, пока он подошел к нижнему обрыву и увидел тело, прошло приблизительно 10-15 минут. Федор закричал: «Я боюсь, лезьте ко мне. Вы будете пробивать снизу ступеньки, а я сверху». Иван снял с себя все лишнее, положил у края обрыва и стал костылем долбить ступеньки, поднимаясь к Федору, а тот делал то же самое, спускаясь. Когда Иван подошел к Федору, снял с него ружье и вообще облегчил его, стали спускаться вместе к берегу трещины, спустились и вдвоем стали смотреть на Виктора Ивановича. Иван спросил: «Что же теперь нам делать?» Федор, подойдя к трещине и глянув в трещину, увидел сначала голову Виктора Ивановича, а потом нагнулся дальше и увидел всего. Сразу стало сумно (жутко), пробил холодный пот. Тут Иван сказал: «Что тут делать?» Иван первый раз, увидев Виктора Ивановича, хотел было прыгнуть вниз, но, присмотревшись в лицо, решил, что Виктор Иванович мертв, и тут же подумал, услышав слова Федора «боюсь», что он тоже может упасть вниз, в эту же трещину, и решил лезть вверх ему на помощь. Федор ответил: «Что же делать. Ночь может застать нас на леднике, надо пройти засветло хотя бы трещины, а то и мы погибнем: можем опоздать, не заметим трещины и можем упасть». Иван сказал: «Ну, давай, брат, сумки и скорей спускаться». Надели сумки и пошли косогором вверх, обходя длинную трещину. Пошли к середине ледника, где была ложбинка, и по этой ложбинке пошли вниз по леднику наискось к его правому берегу. Попадались еще трещины, все мелкие, перепрыгивали через одни, обходили другие и сошли с ледника.

Шли все время молча, сходили, опираясь на палки; было трудно. Сойдя с ледника, пошли, не отдыхая, дальше, увидели туровые рога, прошли мимо. Федор сказал: «Нужно облегчиться», а Иван сказал: «Как же, что же мы будем оставлять?» А Федор говорит: «Можно оставить аппараты». Иван ответил: «Нет, пойдем дальше». Увидали большой камень с навесом со стороны речки, поставили аппараты, череп медведя убитого, денатурированный спирт, ножки аппарата, ящик пластинок. Взяли один только мешок и пошли скорее прямо вниз по речке. Стало темно, лезли по чернике, рододендрону, валежнику, шли по берегу речки, несколько раз переходили речку; путь был страшно трудный. Дошли до полянки. Стало совершенно темно, натащали дров, разложили огонь. Иван не спал, Федор тоже, говорили о случившемся, обсуждали, зачем Виктор Иванович так пошел, когда еще на леднике, прежде чем спускаться, Иван и Федор обсудили свой «спуск» (от левого, верхнего края ледника вниз к его правому берегу, т. е. наискось по его склону, шла вниз заметная сверху небольшая ложбинка, держась которой спутники Виктора Ивановича и предлагали спускаться. Он же пошел прямее, сойдя с этого пути несколько сажень влево), и по этому плану сошли. Утром 8 августа снова пошли дальше к слиянию реки Киши с речкой Китайской и около 10 часов утра дошли до условленного места. Разложили огонь, сварили кашу и стали ждать партию Н. Ф. Гамбургера.

В 10 часов показались члены поджидаемой партии. Впереди шел Степан Чепурнов, увидел дым над речкой и подумал, кто тут есть, когда вдруг, подойдя ближе, заметил Федора, лежащего, и встающего Ивана. Не видя Виктора Ивановича, подумал, что он отошел, но, подойдя еще ближе и не видя его, спросил: «Что же вы тут двое?» Иван ответил: «Пан убился». Степан повернулся к своей партии, сказал: «Пан убился», но подходившие сами слышали слова Ивана и стали спрашивать, как убился. «Вовсе». Когда узнали, что вовсе убился, все были поражены, кто плакал, кто расспрашивал.

Н.Ф. Гамбургер, получив известие о гибели Виктора Ивановича, принял все зависящие от него меры достать и вынести из гор тело своего друга. Как раз в это время почти вышли запасы провизии, за которой были еще перед разделением партий посланы люди в станицу, и оставалось слишком мало людей – всего пять человек рабочих. Пришлось сначала передвинуться на так называемый «Аспидный Лагерь», где должны были быть люди, возвратившиеся с провиантом, и уже только оттуда оказалось возможным снова двинуться обратно на ледник, взяв по дороге еще двух имеретин-пастухов.

Благодаря всему этому, Н.Ф. Гамбургер только 10 августа, около часу дня, подошел к леднику Воробьева и начал подниматься к роковой трещине. Подъем был очень труден, а последние двести шагов пришлось рубить топорами ступеньки во льду. Тело Виктора Ивановича было найдено буквально в том положении, как его оставили проводники, но уже совершенно замерзшим, что помешало выяснить вполне точно характер возможных повреждений, перело-

мов и т. п. Крови на трупе или около не было видно совершенно. Однако, когда сняли позднее альпийские башмаки, оказалось, что одна пятка сильно ободрана, по-видимому, при ударе торчком о нижний край трещины — ударе настолько сильном, что, возможно, он был и смертельным. Возможно также предполагать повреждение продолговатого мозга, а следовательно и моментальную смерть.

Таким образом, у живых есть полная уверенность и слабое утешение, что Виктор Иванович убится моментально на месте и ни минуты не мучился ни физически, ни морально — ужасным сознанием неизбежной гибели. Трещина в том месте, где погиб Виктор Иванович, расширена до четырех сажен обвалом верхнего края. На обломки льда от этого обвала и упал Виктор Иванович. По сторонам трещина значительно уже, но и много глубже и идет, вероятно, через всю толщу льда. Ясное представление об общем характере трещины и ее размерах дают прилагаемые схематические рисунки, вычерченные по наброскам, сделанным Н.Ф. Гамбургером.

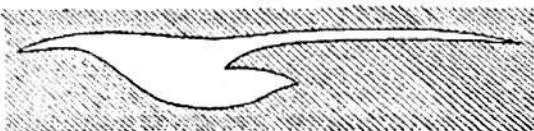

Рис. 2. Пазуха трещины, из которой упал В. И. Воробьевъ. Въ 1 дюймъ около 7 саженъ.

Зная теперь все эти подробности, легко представить общую картину катастрофы, хотя основная причина ее по-прежнему остается неясной. Идя над трещиной, Виктор Иванович поскользнулся, упал на лед и быстро скатился к трещине. Перелетев через нее, он ударился, по-видимому, ногой о противоположный край и свалился в трещину головою вниз, как кажется, навзничь. Почему поскользнулся Виктор Иванович, этого не скажет никто. Может быть, желая ободрить своих трусивших проводников (еще выше ледника, когда все трое спустились в глубокую скалистую балочку, Федор сказал, что ему страшно, хотя раньше он никогда в горах не боялся), он шел скорее, чем следовало бы, и больше следил за тем, как спускаются проводники, чем за своей дорогой. Может быть, он обронил молоток, который не нашли, и упал, нагнувшись его поднять. Может быть, наконец, и мне это кажется всего вероятнее, непосредственной причиной несчастья был альпийский мешок Виктора Ивановича. В протоколе, составленном на месте, Н.Ф. Гамбургер, между прочим, говорил, описывая положение тела в трещине: *«На левом плече сумка на одном ремне, другой ремень соскочил и зажат в правой руке»*. Очевидно, что альпийский мешок сорвался с правого плеча Виктора Ивановича перед тем, как он поскользнулся, и, быть может, этот легкий, но неожиданный толчок и был роковым на скользкой поверхности ледника. Или, быть может, Виктор Иванович хотел что-нибудь поправить в мешке, снял его с одного плеча и в это время поскользнулся.

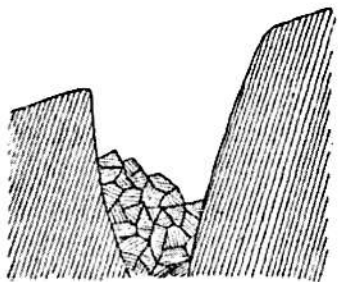

Рис. 3. Разрывъ трещины, из которой упалъ В. И. Воробьевъ. Въ 1 дюймъ около 3 саженъ.

Спуститься в трещину и достать его не представляло особого труда. Тело плотно завернули в бурку, обвязали поперек лямками, и один из рабочих – имеретин взял его себе на плечи. Только обход роковой трещины заставил имеретина идти медленно и осторожно, далее же он, как пишет Н.Ф. Гамбургер, *«помчался вниз»* и благополучно сошел тем самым путем, которым сошла вся партия, и которым ранее сошли проводники Виктора Ивановича. И при таких-то условиях погиб человек, выросший в горах и бывший опытным альпинистом!

Спустившись с ледника, Н.Ф. Гамбургер еще раз осмотрел тело, затем труп густо обложили можжевельником, плотно увязали в бурку, привязали к шесту и таким образом на завтра, 11-го августа, к вечеру доставили на Аспидный Лагерь, почти выбившись из сил, хотя последние пять верст труп уже везли на высланных из лагеря на встречу лошадях. 12-го утром приехал вызванный на помощь атаман Псебайской станицы с пятью лошадьми, и Н.Ф. Гамбургер немедленно двинулся далее с телом своего покойного друга, оставив вьюки на попечение Б.Н. Клопотова. Восемьдесят пять верст, которые оставались до станицы, тело пришлось везти по черкесскому способу на седле в полусогнутом положении, и только 14-го Н.Ф. Гамбургер прибыл в Псебайскую, куда к вечеру того же дня приехал и брат покойного. Здесь тело было уложено в окованный железом гроб и 21-го августа доставлено в Екатеринодар, где в родной земле и нашел себе вечный покой Виктор Иванович.

Это печальное событие было отмечено местной прессой. Газета «Кубанская жизнь» (№9, 22 августа 1906 г.) опубликовала целый некролог на смерть В.И. Воробьева:

«21-го текущего августа, на местном кладбище, опустили в могилу тело безвременно погибшего, молодого ученого геолога, Виктора Ивановича Воробьева.

Местный уроженец и воспитанник Екатеринодарской городской гимназии, он по окончании С-Петербургского университета по естественному отделению физико-математического факультета, – посвятил себя научной деятельности, готовясь, в будущем занять профессорскую кафедру.

С этой целью он достаточно продолжительное время работал в Германии, а затем, по возвращении в Россию, временно занял место хранителя Геологического музея при Академии наук. Это дало ему возможность все свое время и силы посвятить своей любимой науке геологии. Кабинетные занятия в музее, он в летние месяцы сменял научными экскурсиями в горы Урала и Кавказа, неисследованные ледники последнего его особенно манили и на дне одного из них он, 8 августа текущего года нашел преждевременную смерть...

Мир его праху. Он погиб славной смертью на своем посту неутомимого и отважного исследователя, в борьбе с бесстрастной природой, во славу знания и науки. Sit tibi terra levis...».

Не остались в стороне и общественные организации. 16 января 1909 г на заседании Общества любителей изучения Кубанской области С. И. Борчевским был прочитан доклад «Памяти Виктора Ивановича Воробьева». Ознакомив собрание с содержанием биографии молодого, рано погибшего ученого, местного уроженца В. И. Воробьева, составленной П. П. Толмачевым и напечатанной в 4-м выпуске «Известий Императорского Русского Географического Общества» (1906, т. 24), докладчик поделился личными воспоминаниями о покойном и охарактеризовал его как любителя природы и путешественника. В дополнение к докладу г. Борчевского товарищ покойного врач Н. Ф. Гамбургер, участвовавший в экспедиции, во время которой погиб Воробьев, сообщил о последних минутах жизни его и о подробностях катастрофы у спуска с г. Дзитаку.

СОСТАВЛЕНО ПО МАТЕРИАЛАМ:

- Воробьев В. И. Верховья Белой // Известия КОИРГО, 1896, т. XI, вып. 2.
Толмачев И. П. Памяти Виктора Ивановича Воробьева // Труды Геол. музея им. Петра Великого Акад. наук, 1907, т. I, вып. 2.
Толмачев И. П. Памяти В. И. Воробьева // Известия РГО, 1906, т. 42, вып. 4
Большая биографическая энциклопедия. - М., 2009.
Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона.